

За Берлинской стеной

Я впервые посетил ГДР в 1970 году и сразу же был поражен свободой и богатством этой страны, которую мы разгромили и покорили. Я приехал работать в Магдебург — город, особо пострадавший от войны и бомбежек. Разрушенных зданий не помню, наверно, их уже убрали, но в центре города были сами за себя говорящие пустоты, среди которых возвышался знаменитый Магдебургский собор — Dom, как они его почтительно называли.

Профессор Шмидт, в лаборатории которого мне предстояло работать, был, конечно, партиец и ко мне относился вежливо, но сдержанно и отстраненно. Сотрудники же, которые были в основном моложе меня (мне в ту пору было 36), держались приветливо и радушно. Кое-кто из них хорошо говорил по-русски и побывал, а иногда и учился в СССР, кое-кто совсем не говорил, и мы объяснялись на полуанглийском-полунемецком, но общий язык находили.

Помню, что в день приезда у меня в чемодане была на четверть выпитая бутылка коньяка, и я пригласил встретивших меня на вокзале ребят к себе в гостиничный номер отметить приезд. Они, как мне показалось, с удовольствием согласились, и мой первый вечер в Магдебурге прошел весело и приятно. Тогда же я подумал и о свободе. Представить такое в Москве: чтобы в номер к иностранцу, без разрешения... да это было просто немыслимо! Потом гости мне со смехом рассказывали, что им это было тоже категорически запрещено, и они, на самом деле, очень нервничали, но как-то обошлось. В первый выходной день Шмидт повез меня и еще двух сотрудников на своей машине в городки, расположенные в предгорье Гарца: Вернигероде и Кветлинбург. Я даже не мог себе представить, что на свете существуют такие очаровательные игрушечные старинные города. Война не затронула фахверковые дома, нарядные ратуши и возвышающиеся над городом замки. Я думал о Гейне, который путешествовал по Гарцу в 1824 году, о том, как он спускался в шахты «Доротея» и «Каролина», которые были так глубоки, что, как говорили, с их дна можно было услышать, как на другой стороне Земли американцы кричали: «Ура, Лафайет!». Он поднимался на самую высокую вершину Гарца — Броккен, куда в Вальпургиеву ночь на 1 мая ведьмы слетаются на шабаш. Но мы не поднимались так высоко и не спускались так низко: мы ездили по предгорью Гарца, не забывая останавливаться у разных кафе, где ребята пили пиво, а я набрасывался на взбитые сливки (schlagsahne). Я слышал, что у нас, в Москве, на улице Горького есть кафе, где можно выпить кофе со взбитыми сливками. Но это был эксклюзив, а здесь в любой кондитерской вы могли заказать шлагсанне в разных комбинациях: с пирожным, с мороженым и просто так. В результате эта поездка оставила у меня не только эстетические, но и гастрономические впечатления. Надо сказать, что едой я никогда особо не интересовался, а тут понял, какой она может быть вкусной: стейки всех сортов с какими-то изощренными салатами, венский шницель, судак по-польски, бехер из мороженого со взбитыми сливками и разными фруктами, да всего не упомнишь. Понимаю, что сейчас в России этим никого не удивишь, но напоминаю, что ведь это были семидесятые.

Кстати, чтобы уж покончить с путешествием по Гарцу, позволю себе маленькое отступление и вспомню, как несколько лет тому назад мы с сыном совершили такое Harzreise. Сейчас это организовано на современном уровне: из Вернигероде отходит «игрушечный» поезд с паровозом, маленькими вагончиками. Берете билет, садитесь в поезд, и он медленно поднимает вас на вершину Brocken. Примерно на полпути он останавливается в окрестности деревень Ширке и Эленд, через которые в свое время

проходили Фауст и Мефистофель. Фауста мучили угрызения совести: ведь совсем недавно Гретхен в тюрьме в приступе безумия убила своего ребенка и теперь ей грозила смерть; до этого они отравили ее мать, чтобы та не мешала свиданиям, а потом он убил ее брата, который хотел мстить за ее позор... Было от чего грустить! Чтобы развеять эти печальные воспоминания, Мефистофель решил развлечь его зрелищем шабаша ведьм. В деревне Ширке он сказал Фаусту, что дальше предстоит крутой подъем, и он рекомендует ему сесть на помело, которое в минуту домчит его до вершины. Сам же он, пожалуй, не прочь погарцевать на козле. Но Фауст отказался, сказав, что любит весну и предпочитает пешую прогулку... Вот через какое место мы проезжали! Поскольку мы попали не в сезон: была середина лета, а Вальпургиева ночь, как я уже упомянул, 1 мая, то ведьм было совсем мало, но воспоминание о том, что мы посетили вершину Броккен, стало незабываемым.

Но, возвращаясь в свою первую поездку в ГДР, я решил, что стоит попробовать установить контакты с научными коллективами, работающими в разных городах этой столь мне понравившейся страны. Надо сказать, что никаких специальных полномочий у меня не было: я был обычным научным сотрудником одного из институтов в системе Министерства здравоохранения СССР. Но я был уверен, что Министерство к такой инициативе отнесется с одобрением, а что до немецких коллег, то они почтут за честь иметь научный договор с московским институтом. Здесь я касаюсь деликатного вопроса. Ведь, что ни говори, ГДР была наша колония. Конечно, нас связывала дружба, великая дружба! И эта дружба подкреплялась тем, что в Берлине и во многих других городах стояли наши военные гарнизоны. Так что человек из Москвы, даже такой, как я, ничего не значащий с официальной точки зрения, был персоной грата. Во время одного из моих посещений Берлина (а я стал туда ездить регулярно) ко мне даже была прикреплена переводчица. О ней два слова. Фрау Элизабет была полной противоположностью нашему представлению о немецких женщинах и о немцах вообще. Она всюду опаздывала, была предельно безалаберна, болтлива, добродушна и сентиментальна. Однажды, когда мы гуляли по Берлину, она подвела меня близко, насколько это было возможно, к Бранденбургским воротам и сказала: «Вы подумайте, если пройти прямо, а потом повернуть налево, то там будет улица, где я родилась и где сейчас живет моя сестра с детьми. Я представляю себе все это так живо, будто я там... и в то же время знаю, что никогда там не буду, и никого из них не увижу». В глазах у нее стояли слезы. К счастью, она ошибалась. Я больше никогда с ней не встречался, но, если она дожила до 1990-х годов (а она была тогда еще совсем не старая), то все это стало возможным.

В результате мне удалось наладить научные контакты с Институтом физиологии в Берлине, Институтом нейробиологии в Магдебурге, научной группой в Лейпциге и, что особенно важно, с кафедрой физиологии в Университете Фридриха Шиллера в Иене. А Иена, как вы, конечно, знаете, в двадцати километрах от Веймара, где жили и Шиллер и Гете.

Знакомые в Москве часто говорили мне: «Далась тебе эта ГДР, ведь там Штази на каждом шагу, говорят, это почище нашего КГБ». Никакого Штази я никогда не видел, ни с чем таким не соприкасался. Наверно, я жил в мире, созданном мной самим, но, не скрою, в этом мире я чувствовал себя очень уютно.

Теперь несколько слов о моем немецком. Я родился в 1934 году, когда Гитлер только пришел к власти, так что в моем раннем детстве отношения с немцами были дружественными и радушными. В Москве были популярны «группы», в которых дети гуляли под руководством какой-нибудь немки. В такую группу отдали меня вместе с моей двоюродной сестрой Леной, которая была на два дня старше меня. Нашу немку звали

Гильда Оттовна, она жила в Новоконюшенном переулке, так что мы гуляли по Девичьему полю и переулкам Плющихи. Разговаривать разрешалось только по-немецки, используя те слова, которым она нас обучала. Лена была прилежная и законопослушная девочка, старалась говорить, как ей велели, а я шептал ей на ухо какие-то фантазии, разумеется, по-русски. Ничего этого я толком не помню, знаю из рассказов родителей, но уверен, что языковых знаний не приобрел. Потом я учил немецкий в старших классах школы и в университете. Никакой привлекательности для меня этот язык не имел, и мотивации учить его не было. Я выучивал то, что было положено, сдавал и забывал.

Живя в Берлине и в других гэдээровских городах, я, естественно, слышал вокруг себя немецкую речь, и у меня возникло желание понимать, что же они такое говорят? И, более того, иметь возможность что-то сказать самому. Наконец, появилась мотивация учить язык, но, увы, было поздно: мне было под сорок, а язык, как известно, надо учить с детства. Казалось, так оно и было, я и учил его с детства. Почему же такие плачевные результаты? Попробую все же сказать несколько слов в свое оправдание: в довоенный период я был еще очень мал, и это обучение в «группе», когда мы гуляли парами, взявшись за ручки, едва ли могло быть эффективным. Потом я пошел в школу, это был сентябрь 1942 года. Какой там немецкий! Все, что было связано с Германией, представлялось как нечто гнусное и отвратительное. Карикатуры на Гитлера и вообще на всех немцев, вломившихся в нашу Родину... Это потом уже стали подчеркивать различие между фашистами и немецким народом, а в начале войны, все они были фашистская нечисть: все эти Гансы, Фрицы... Немецкий язык вернулся в школы году, наверно, в 46-м, 47-м, но неприязнь ко всему немецкому оставила след в подсознании, поэтому так у меня и было: выучивал, сдавал и забывал. В 1952 году я поступил в университет, где на курсе были студенты из ГДР — симпатичные ребята, с которыми я дружил. Так что, казалось, интерес к немецкому языку мог бы и вернуться, но интерес в то время резко сместился в направлении девочек на курсе, так что язык опять остался на периферии.

Английский я никогда не учил, и вдруг, когда был на четвертом курсе МГУ, то есть в 1956 году, меня включили в группу, которую предполагали направить в Кембридж, по обмену делегациями между английскими и советскими студентами. То, что я не знал языка, организаторов этого мероприятия, по-моему, особенно не смущало, наоборот: болтать лишнего не будет. Однако я отнесся к этому иначе и решил, что представившимся шансом надо воспользоваться. Нашел учителя и начал заниматься языком очень интенсивно. Учитель меня хвалил, и сам я чувствовал, что дело идет. Но в этот момент началась война на Суэцком канале, и все студенческие обмены приостановились. Так что в Кембридж я не поехал, но некий задел английского языка у меня все же появился.

Вот с таким-то языковым багажом я и приехал в Берлин. Старался говорить по-немецки, что иногда приводило к несколько комичным ситуациям. Помню, что заметил, как в ресторане отобедавшие немцы подзывают официанта и говорят ему *Zahle* (посчитайте). Мне показалось, что это как-то слишком сухо, и я решил использовать известный мне вежливый оборот. Поев, я подзвал официанта и сказал ему: *Zahlen Sie mir bitte*. (Оказалось, что это означает: заплатите мне, пожалуйста). Официант сразу остолбенел, но, поняв, что я не нахал какой-то, а просто языка не знаю, шутливо погрозил пальцем и сказал по-немецки: «Нет, нет, это вы мне заплатите». Запомнился еще такой казус... Приезжая в Лейпциг, я квартировал в двухэтажном домике на окраине города у хозяйки, которую звали фрау Маргарет. Это была пожилая дама (у нее была дочь и две внучки), очень подвижная, приветливая и с чувством юмора. Меня она называла «герр профессор» и относилась очень дружелюбно. Она не говорила ни по-русски, ни по-английски, так что беседовали мы только на ее языке. Однажды утром я попросил ее сварить мне кофе, сказав «*Ohne kaffe ich bin kein Mann*». Я, конечно, хотел сказать, что без кофе я не

человек, но получилось, что без кофе я не мужчина. Фрау Маргарет всплеснула руками: «О, герр профессор, за это не беспокойтесь! Я сварю вам очень хороший крепкий кофе». Потом мы оба смеялись.

Говоря о Лейпциге, вспоминаю свой первый приезд в этот город. Я остановился в привокзальной гостинице, зашел в свой номер, чтобы немного отдохнуть от поезда, сидел там и знал, что через несколько минут увижу церковь, где кантором был мой любимый Иоганн Себастьян Бах. Я знал, что так будет, и в то же время это казалось мне невозможным. Я так долго об этом мечтал. Видел церковь (Thomaskirche) на фото, знал, что особой красоты в этом здании нет, но мне всегда казалось, что посетить его — это сделать что-то важное в своей жизни. Надеялся, что, может быть, услышу знаменитый детский хор. И действительно, дети в церкви были, но они разными жестами и пританцовыванием объяснили слово, значения которого я не понял: «die Ferien» — каникулы. И все же я это сделал: посетил церковь, где с 1723 по 1750 год кантором был Бах.

Если ехать на поезде от Лейпцига на юго-запад, то после станции Вейсенфельзе начинаются красоты. Поезд идет по ущелью реки Заале. На другом, крутом берегу, поросшем зеленью, через какое-то время вдали вырастают громады Наумбургского собора... Я помню, как однажды осенним днем поднимался к этому собору, погруженный в XIII век, в готику, мысленно окруженный великолепными фигурами Эккехарта, его жены Уты и других «донаторов», как вдруг неожиданно услышал: «Васька, так тебя и так, с праздничком!». Недалеко от собора находилась советская комендатура, а дело было седьмого ноября. Такое вот смешение стилей и эпох.

Еще немного на запад — и на том же крутом берегу вырастает Заалек — остаток крепости XI века, а поезд останавливается в городке Бад-Кезен, когда-то деревне, где сплавляли бревна по Заале, потом курорте, в котором многое связано с Фридрихом Ницше. Следующая остановка — Иена, прелестный тюрингский городок, вид которого слегка подпорчен башней, которую построил завод Цейса. Как я уже упомянул, мне удалось установить научные контакты с кафедрой физиологии Иенского университета, так что я часто наезжал туда и иногда останавливался в гостинице «Zum schwarzem Behr» («У черного медведя»), где, согласно преданию, останавливался Лютер.

На кафедре работала моя приятельница Вика Освальд, которая попала в Иену несколько своеобразным путем. Ее будущий муж Хорст был мальчик из благовоспитанной немецкой семьи, где детям было положено ложиться спать в 9 часов. Он поступил в Ленинградский медицинский институт и попал в общежитие, где в белые ночи студенты не спали вообще. И вот однажды поздним вечером, когда девочки собирались ложиться спать, дверь в их комнате открылась, и на пороге появился Хорст, белый, как полотно, с подушкой в руках. Он сказал: «Больше не могу» — и без чувств упал на кровать. Так случилось, что он упал на Викину кровать, что и предопределило их судьбу. В дальнейшем они поженились, родили ребенка и переехали жить в Иену, где Хорст работал на цейсовском предприятии.

Вика (девичью фамилию забыл) родом из Сибири, была очень гостеприимна и добродушна. К ней тянулись русские мальчики, служившие в расположенных рядом гарнизонах. Она кормила их русским борщом, сибирскими пельменями и создавала некий «Русский дом в Иене». У Хорста был «Трабант» или какая-то маленькая машина в том же роде; он любил быть гидом: показывать, объяснять, и мы объездили с ним все окрестности Иены, включая прекрасный Тюрингский лес. Как-то мы оставили машину у подножья холма, и, поднявшись на него, оказались у охотничьей хижины Гете. На двери этой хижины, однажды ночью, он написал свое самое знаменитое стихотворение: «Über allen

Gipfel ist Ruh...» (Над всеми вершинами — покой...). Лермонтов в своем гениальном переводе несколько смягчил концовку, потому что «ruhest du auch» — это не «отдохнешь и ты», а «успокоишься и ты».

Вообще, Гете и Веймар долго оставались центром моих интересов. Я купил переписку Гете с его возлюбленной — Шарлоттой фон Штейн и ездил по местам, которые там упоминались. Через много лет я оказался в этом городе с сыном, и он сказал, что я вполне бы мог быть гидом, чем я гордился. Мы заходили на маленькое кладбище при церкви св. Якова (Jacob's Kirchhof), и я говорил ему: «Вон там стоит полуразвалившийся памятник, посмотри, на нем написано: «Fidele a son Dieu, a son devoir, a ses amis» (Верен своему Богу, своему долгу, своим друзьям), а слева лежит плита на могиле жены Гете, и на ней написано: «Du versuchst o sonne vergebens durch die düstern Wolken zu scheinen. Der ganze gewinn meines lebens ist ihrer verlust zu beweinen» (Солнце! Ты напрасно пытаешься светить сквозь мрачные облака. Весь смысл моей жизни — это оплакивать ее уход.)

Другой город, в который я влюбился, — это Мейсен. Но начну с Дрездена. Ни в одном из городов ГДР следы войны не были столь очевидны, как в Дрездене. И дело даже не в разрушениях, их к 70-м годам уже успели убрать или застроить, но следы огромного пожара: закопченные стены, запах копоти был неистребим... И все же Хофкирхе (Hofkirche, Придворная церковь) сохранилась, несмотря на страшную бомбардировку 13 февраля 1945 года, так же как и дворец Цвингер со знаменитой Дрезденской галереей, так же как и здание оперы, где мне посчастливилось послушать оперу Шостаковича «Нос».

Но мне говорили, что обязательно надо съездить в Мейсен: это недалеко, на местном поезде не больше получаса. И вот однажды, будучи в Дрездене, осенним вечером, я собрался и поехал. Темнело рано, и я боялся, что вообще ничего не увижу. Поскольку был голоден, съел булку в станционном буфете и выпил стакан молока. Потом вышел со станции и был потрясен тем, что мне открылось. Это был замок-собор (das Schloss), выраставший из земли со своими стенами, бастиянами и готическими башнями. Станция находилась на некотором возвышении, так что собор именно вырастал передо мной, а под ним ютился маленький городок: площадь и кривые улочки, карабкающиеся к замку. Сколько раз потом я приезжал в этот город! Летним днем сидел в кафе и любовался собором, разглядывал фигуры императора Оттона и его жены Адельгейды, напоминавшие наумбургских Эккехарта и Уту, ходил на экскурсию в мастерские, где изготовлялся мейсенский фарфор. Но никогда больше не переживал я такого острого впечатления, как в тот осенний вечер, когда, съев булку и выпив молока, вышел со станции и остолбенел от увиденного.

В 1974 году, в Берлине в Институте физиологии я познакомился с профессором Ги Сантибанецом и его семьей. Он был чилийский коммунист, уехавший из Чили после пиночетовского переворота. Надо сказать, что ГДР, в отличие от СССР, принимала чилийских эмигрантов, чему, как говорили, способствовало то, что дочь Хонеккера была замужем за чилийцем. Ги был очаровательным человеком: эмоциональным, темпераментным, широко образованным; он был знаком с Альенде и ненавидел Пиночета. Мы подружились, и в декабре 1975-го по его приглашению я прожил в его семье две недели, пользуясь беспримерным гостеприимством.

Меня интересовало: что такое коммунизм в понимании чилийцев? В моем понимании это была какая-то фантазия, лишенная конкретного содержания, которая не могла и не должна была быть реализована. В партию вступали либо потому, что это было выгодно, либо потому, что это было принято, либо и то и другое. Я никогда ни в какую партию не вступал и, когда меня туда тянули, говорил, что у меня большая печень и я не смогу

целиком отдаться, а отдаться не целиком бла-бла-бла... От меня, в конце концов, отставали. Но зачем в коммунистическую партию шли такие люди, как Ги? Из разговоров с ним у меня сложилось впечатление, что основной их мотивацией было неприятие капитализма. Они знали про него не понаслышке, они при нем жили. И вся эта рыночная экономика, это — «все на продажу», было им противно. В коммунизме они видели нечто противоположное. Что именно, я не знаю: прямых разговоров на эту тему у меня с ним не было. Его теща, австрийка из Вены, женщина европейски образованная и утонченная, сказала мне однажды, что в Томасе Манне ее раздражает его буржуазность. В то же время они были люди широких взглядов, терпимые и с чувством юмора. Я с удовольствием рассказывал им московские анекдоты, и мы вместе смеялись над тем, как... Старый еврей спрашивает: «Sagen Sie mir bitte: ist es schon communism, oder wird noch schlechter sein?» (Скажите, пожалуйста, это **уже** коммунизм или будет **еще** хуже?) И про то, как космонавты не захотели лететь на солнце, мотивируя тем, что сгорят, а им на это ответили: «Думаете, в ЦК дураки сидят? Ночью полетите». Все это они воспринимали, на все реагировали адекватно, и, вместе с тем, Ги говорил мне, что хочет написать биографию Энгельса, озаглавив ее «Фридрих Величайший». Как это все у него в голове совмещалось? Повторяю, прямых разговоров на эту тему не было: мы их интуитивно избегали. Скажу лишь, забегая вперед, что, когда в 1990 году Берлинская стена рухнула и капитализм потек в ГДР широкой рекой, превратив Берлин, на какое-то время, в сплошной рынок, Ги впал в депрессию, из которой практически не вышел.

Перемену тему и поговорю про кино. Киноманом я стал в 60-е годы, когда нам что-то показали, и стало ясно, сколько всего не показывают. В 1959-м в кинотеатре «Ударник» я посмотрел «Ночи Кабирии», они произвели огромное впечатление. Еще большее впечатление через какое-то время произвела «Земляничная поляна». Но ведь была еще «Сладкая жизнь», про которую мы только читали (в основном ругательные статьи), было еще «Кабаре», была масса всего, о чем мы только слышали. «Сладкую жизнь» показали один раз в кинотеатре «Иллюзион», что на Котельнической набережной, на двух или трех сеансах. Естественно, что в кассе никаких билетов не было. Их спрашивали от метро «Таганская» до самой набережной. В числе жаждущих был и я. «У вас нет лишнего билетика?» Эта фраза стояла в воздухе, она была своего рода позывным киноманов. Я знал, что надо спрашивать всех подряд, не расслабляться. Вот идет, какой-то деловой мужчина. «Извините, у вас случайно нет лишнего билета?» Он недоуменно смотрит на тебя. «Какого билета? Куда?» Ладно, это не наш человек. Вот тащится женщина с авоськой, наверно, из овощного, так как из авоськи торчит капуста. «У вас нет лишнего билетика?» Она даже не достаивает тебя взглядом. Ничего страшного. Настанет же момент, когда кто-нибудь остановится, вынет бумажник... Пользуясь методом спрашивания всех подряд, я, как правило, попадал на нужный фильм, но со «Сладкой жизнью» не получилось ничего. Я уже не говорю про «Апокалипсис сегодня», здесь я даже не пытался. Этот фильм показывали в каком-то элитном клубе для избранной публики. Мне рассказывали, что один знакомый подошел к какому-то дипломату и сказал по-английски: «Сэр, вы завтра посмотрите этот фильм в Лондоне или Париже, а я не увижу его нигде и никогда». И тот отдал ему свой билет. Бывало и такое. Но это же надо суметь!

И вот я приезжаю в Магдебург и узнаю, что в Лейпциге в каком-то кинотеатре на окраине идет «Кабаре». Звоню своему приятелю в Лейпциг и слезно прошу забронировать билет. Приезжаю — и о ужас — он то ли забыл, то ли не смог — билета нет. Сколько лет уже прошло с тех пор, а я как сейчас помню, как ехал в трамвае, вспоминая все немецкие слова, которые скажу администратору кинотеатра: что я, мол, из Москвы специально приехал, чтобы посмотреть этот фильм, что я такой-то и такой-то... Чтобы не затягивать, скажу, что кроме меня в зале было еще три-четыре человека.

Они все это могли посмотреть по телевизору, для них это все были старые фильмы, их не захватывала московская киноманья, многие вообще этим не интересовались.

В Лейпциге был маленький кинотеатр «Бабилон» (если не ошибаюсь), наподобие московского «Иллюзиона», в котором показывали старые фильмы. Там я посмотрел «Сладкую жизнь», «Амаркорд» Феллини; «Семейные сцены» Бергмана; «Березняк», «Девушки из Вильке» Вайды... всего не перечислишь. Фрау Маргарет собирала своих знакомых, поила их у себя в саду вкусным кофе из маленьких фарфоровых чашечек и как лучшую шутку рассказывала, что «герр профессор, приезжал из Магдебурга в Лейпциг... здесь она делала паузу для усиления эффекта... für Kino!» И все они хохотали.

Теперь немного о шмотках. Меня они, в сущности, никогда особенно не интересовали. Но были друзья, но были подруги! В Москве в это время не было ничего, там было все. И я слышал часто: «Если ты случайно зайдешь в магазин женской одежды...». И я, действительно, проводил там многие часы: выбрать что-то на свой размер — это куда ни шло, но подобрать подходящие женские туфельки... Конечно, мне давали «следок», и я старался как мог, и все же... Помню, это был обувной магазин на окраине Веймара, откуда начинается парк, спускающийся в низину, где находится летний домик Гете. В этом магазине у меня было сложное задание — сапоги (Stiefel). Как я старался! Какие прелестные сапожки выбрал! Как был горд! Но, когда пришел в Москве дарить, они оказались на одну ногу.

Был, правда, и более удачный случай. Из Магдебурга я поехал в Виттенберг, чтобы посмотреть на ворота Замковой церкви, на которых 31 октября 1517 года Мартин Лютер вывесил свои знаменитые тезисы, положившие начало Реформации. Все складывалось как нельзя более удачно: было ясное осеннее утро, я хорошо позавтракал в привокзальном ресторанчике и отправился искать храм. По дороге, действительно, случайно попала мне лавочка женской одежды, где я легко и без колебаний купил прелестное джинсовое пальтишко. Так что, когда вспоминаю эту поездку, в сознании естественно переплетаются ворота Замковой церкви, портрет Лютера работы Кранаха, истории, связанные с началом Реформации, и синее джинсовое пальтишко, которое так понравилось моей подруге.

Теперь о свободе. Когда я в первый раз гостил у Сантибанецов в декабре 1975 года, они жили недалеко от станции городской электрички (S-bahn) Planterwald. Это была обычная платформа, недалеко от которой проходила стена, совершенно не производившая устрашающего впечатления: бетонное ограждение высотой примерно в полтора человеческих роста. Казалось, если бы ты умел хорошо прыгать, то «хоп!» и ты на свободе. Я знаю, что эти фантазии разделяли многие люди, стоявшие на платформе. За стеной, метрах в трехстах, высились два прекрасных белых дома, «белые лебеди», в которых наверняка жили свободные и счастливые люди. Какой еще свободы мне было надо? Я разъезжал по всей ГДР, любовался ее природой, посещал старинные замки, картинные галереи, ходил по улицам городов, где жили Гете и Бах, что еще мне было нужно? И все же мне хотелось чего-то большего и чего-то другого. Забегая вперед, скажу, что после падения Берлинской стены «большее» я получил. Я смог ездить по всей Германии, сидеть в знаменитой пивной в Мюнхене, гулять по Гамбургу и Бремену... но ничего принципиально «другого» я не испытал. «Белые лебеди» в Берлине оказались просто многоэтажками, выкрашенными в белый цвет. В них жили обычные люди, решающие свои проблемы и преодолевающие свои комплексы. Все относительно.

По поводу относительности расскажу такую историю. Немцам, живущим в ГДР, иногда разрешали ездить на короткий срок к родственникам в Западную Германию. Наверно, это были уже 1980-е годы, когда с востока подул ветер перемен. Я был в Лейпциге в тот

момент, когда фрау Маргарет вернулась от своей сестры, которая жила на Западе. Боже, в каком она была восторге! Чего там только нет! «Магазины ломятся от товаров, куда ни зайдешь — глаза разбегаются! И еще: говори что хочешь, езжай куда хочешь... В общем — земля обетованная». Я слушал, слушал, а потом сказал: «Вы знаете, фрау Маргарет, когда я от вас возвращаюсь в Москву, я рассказываю примерно то же самое».

Где-то весной или летом 1989-го небольшим группам из Восточного Берлина начали разрешать проходить в Западный Берлин через пропускной пункт на Фридрихштрассе. Каждого пришедшего, западные немцы встречали радушно и в качестве бонуса выдавали по 100 немецких марок (Deuch Marks, DM). Им было сказано, что так же встретят всех жителей Восточного Берлина, которые пройдут через пропускной пункт. Восточные немцы устремились в Западный Берлин. На пропускном пункте возникли очереди, пробки, волны недовольства и протеста, приведшего к тому, что в ноябре того же года власти ГДР были вынуждены разрешить свободный проход. Еще немного — и Берлинская стена рухнула.

Я приехал в Берлин в 1991 году, после провалившегося в Москве путча, и остановился у друзей, живших в прелестном зеленом районе на северо-востоке города, носившем несколько странное название — Панков. На их машине мы совершали выезды в Западный Берлин, который для них, так же как и для меня, был чужой территорией, которую предстояло осваивать. Поначалу Западный Берлин не произвел на меня приятного впечатления: несоразмерно длинные улицы, все эти Курфюрстердамм, Бисмаркштрассе и им подобные, масса машин, масса рекламы. Так и тянуло в уют Восточного Берлина: на Унтер ден Линден, на музейный остров, на берег Шпрее, в свою деревню Панков. Однако постепенно я открыл для себя туристские прелести Западного Берлина: брал велосипед, садился с ним на S-Bahn, доезжал, скажем, до огромного парка Grunewald с множеством озер и совершал длительные прогулки от одного озера к другому. В одном из этих озер герой романа Набокова «Дар» Федор Годунов-Чердынцев, искупавшись, обнаружил, что одежду украли, поставив его в довольно затруднительное положение. В каком именно озере он купался, в романе не сказано, но зато я обнаружил маленькое озеро с выразительным названием Teufelsee (Чертово озеро), где купались нудисты. С этой практикой я был совсем незнаком, и только слышал о ней от одного пожилого знакомого, который говорил, что здесь ты любишься красотой обнаженного женского тела, не испытывая никаких эротических чувств, при этом он почему-то облизывался. Я так устал после длительной велосипедной прогулки, что рухнул на берег озера, поначалу не обращая внимания, между каких тел лежу, но хорошо помню какого-то крупного голого немца, который ходил между этими телами, держа в руке мобильник и громко крича: «Na, уа! Na уа!», очевидно, обсуждая какую-то деловую проблему, а между ног у него болталось нечто впечатляющее.

Вообще, я обнаружил, что в Западном Берлине есть много больших прекрасных парков, где можно гулять или кататься на велосипеде. Так, я доезжал до станции Tiergarten, пересекал одну часть парка, потом магистраль, в конце которой стоит Колонна Победы, посвященная военным успехам Пруссии в различных войнах, потом другую часть парка и выходил к современному зданию Берлинской филармонии. Билеты, как правило, были раскуплены на многие даты вперед, и я, как обычно, рассчитывал на лишний билетик. Я спросил у немецких знакомых, как на их языке будет это сакральное выражение: «Не найдется ли у Вас лишнего билетика?», но они объяснили мне, что здесь так никто не делает: ты берешь лист бумаги, пишешь на нем «Suche carte» (ищу билет), стоишь и ждешь, когда к тебе подойдут. Так я однажды и сделал, и, подходя к филармонии, понял, что дела мои плохи, так как перед толпой, теснящейся у входа, стоял молодой человек в светлой куртке с точно таким же листком бумаги. Я скромно стал у стенки и вынул свое

объявление. Каково же было мое удивление, когда через какое-то время с предложением купить билет ко мне подошел тот же самый молодой человек в светлой куртке. Тут я понял, что, хотя в разных странах форма поиска нужной тебе вещи различна, но принцип спекуляции един.

Конечно, все, что я сейчас написал о своем освоении Западного Берлина, — это лишь поверхностная, туристская оболочка того великого процесса, который происходил в эти дни: воссоединение Восточной и Западной Германий в единое государство. И я, как принято говорить, горжусь тем, что важную лепту в этот процесс внес Михаил Сергеевич Горбачев, совершивший в нашей стране бескровную революцию, переместив нас в общество с возможностями, о которых многие уже перестали мечтать. Мог ли я когда-нибудь мечтать, что буду гулять по Грюневальду? Да ни за что!

Про воссоединение Германии, которое произошло формально 3 октября 1990 года, сказано много хороших и правильных слов. Однако я как свидетель тех событий не могу не рассказать о теневых, с моей точки зрения, сторонах этого в целом, несомненно, прогрессивного процесса. Сразу оговорюсь, что речь пойдет только о науке и медицине, к которым я имел определенное отношение. Дело в том, что, придя в Восточную Германию, западные немцы, сплошь да рядом, вели себя как завоеватели. Директора научных институтов и руководители клиник отстранялись от работы, и их места занимали специалисты с Запада. Основным поводом для отстранения от работы было обвинение в контактах со Штази, которое сыпалось налево и направо. С работы снимались не только директора и люди, занимавшие важные позиции, но и простые научные сотрудники и даже лаборанты. Насколько я знаю, они могли подать в суд, и кого-то из них «оправдывали» и даже восстанавливали на работе, но репутация была, конечно, испорчена. Что им конкретно вменялось в вину, в чем состояли эти контакты, я, конечно, не знаю, но выражение «связь со Штази» была в те дни черным пятном, отмыться от которого было трудно.

Знаю несколько конкретных случаев, об одном из которых расскажу. Профессор В. (буду так его называть, поскольку он не давал мне полномочий рассказывать его историю) был моим приятелем с начала 70-х, когда он стажировался в нашем институте в Москве по электронной микроскопии мозга. Среднего роста, худенький, застенчивый, больше похожий на юношу, чем на важную научную персону, конечно, партийный, он стал директором одного из научных институтов в системе Шарите. Мы были знакомы семьями, и он всегда производил впечатление скромного, приятного человека. Такого же мнения были и сотрудники, работавшие под его руководством. Я приехал в Берлин в октябре 1991-го и узнал, что он снят с работы за связи со Штази. Я позвонил ему, и мы встретились у него дома. Пили чай и говорили о том о сем. Конечно, его проблема была в центре. Он сказал мне: «Ты знаешь, конечно, меня туда вызывали. Иначе не могло и быть: мои сотрудники ездили на Запад. Мне приходилось за них поручаться. Так это было устроено: всех директоров вызывали. Но, даю тебе слово, я никогда никому не делал ничего плохого». Я ему верил. Насколько я знаю, он подавал в суд, был «оправдан», но это уже ничего не меняло: его карьера в ГДР была разрушена, и ему пришлось уехать в США. Я больше с ним не встречался, но, чтобы закончить эту историю, скажу, что недавно (т.е. почти 30 лет спустя) читал в одном международном научном журнале хвалебную статью («Tribute») о его научных достижениях, сделанных за океаном. Интересно, после того как в нашей стране пал коммунистический режим и восторжествовала рыночная экономика, был ли хоть один директор отстранен с формулировкой «за связи с КГБ»? Я про такое не слышал.

Еще одна история, которая касалась лично меня, но имела отношение к общей проблеме. В 1991 году мне предстояла урологическая операция по удалению опухоли простаты. У нас она делалась в это время довольно сложно: в два этапа со вскрытием брюшной полости. Я слышал, что на Западе это делается более щадящим способом, так называемой трансуретральной резекции («тур»), но толком, конечно, ничего не знал. Когда я, как уже рассказал, сидел у В. и мы обсуждали его проблемы, жена позвала его к телефону. Вернувшись, он сказал, что это звонил его друг Питер Альтхауз, который был раньше главный уролог Шарите, а сейчас также уволен за какие-то грехи, которые вменили ему западные немцы. «Но его положение лучше моего, — сказал В., — потому что его взяла под свое крыло церковь, и у него есть клиника, где он может оперировать». Я не мог не воспользоваться случаем и попросил у В., чтобы тот испросил для меня разрешение у Альтхауза позвонить ему и задать несколько вопросов. На следующий день В. сказал, что Альтхауз хочет со мной поговорить и приглашает зайти к нему домой. Я, естественно, был очень рад и пришел в назначенное время. Положение упрощалось тем, что Питер в свое время учился в Ленинграде и хорошо говорил по-русски. Он прочел мне целую лекцию о преимуществах «тур», сказал, что полостную операцию у них сохраняют только для того, чтобы показывать студентам, как это делалось раньше, и закончил тем, что порекомендовал мне делать «тур» и лучше всего у него в клинике. «Профессор, — сказал я ему, — вы меня вполне убедили, но разве вы не понимаете, что у меня нет, даже примерно, тех денег, каких стоит эта операция?» — «Вы — мой коллега, — ответил он, — и друг моего друга. Я все сделаю вам бесплатно». И сделал. За что я ему по гроб благодарен.

Но хватит об этом. Не считая некоторых временных теневых сторон, объединение Восточной и Западной Германий было, конечно, великим событием. Я мог вполне оценить его с, так сказать, научно-туристической точки зрения. Мне посчастливилось прочесть несколько лекций в Мюнхене, где я погрузился в атмосферу этого баварского города с его выдающейся историей, с его знаменитыми пивными и не менее знаменитыми Пинакотеками. Мне вспомнился фильм Висконти «Людвиг», который когда-то произвел большое впечатление, и я поехал на озеро Штернбергерзее, что на окраине Мюнхена, чтобы посмотреть на то место, где утонул или был утоплен король Людвиг II. Я открыл для себя картинную галерею Ленбах-хауз, где, среди прочих картин, нашла себе место группа «Синий всадник», созданная Василием Кандинским и Францем Марком. Там я влюбился в подругу Кандинского, замечательную художницу Габриеллу Мюнтер, и, чтобы побольше узнать о них и об их романе, стал постоянным посетителем маленького городка Мюрнау, в 70-ти километрах от Мюнхена у подножья Альп. О доме, в котором они жили и куда к ним приезжали Марианна Веревкина и Алексей Явленский, Арнольд Шенберг и Август Маке, я написал эссе, назвав его «Русский дом в Мюрнау»... но это уже другая история. Это история Германии, открывшаяся мне после падения Берлинской стены, которая, конечно, была костью в горле немецкого народа. Но зачем скрывать? За этой стеной я провел в течение двадцати лет незабываемые дни своей жизни.